

МОЙ КОМАНДИР

ВОЕННАЯ
ПРОЗА

Военная проза

Коллектив авторов

Мой командир (сборник)

«Садра»

2018

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

Коллектив авторов

Мой командир (сборник) / Коллектив авторов — «Садра»,
2018 — (Военная проза)

ISBN 978-5-4444-6725-1

В этой книге собраны рассказы о боевых буднях иранских солдат и офицеров в период Ирано-иракской войны (1980–1988). Тяжёлые бои идут на многих участках фронта, враг силён, но иранцы каждый день проявляют отвагу и героизм, защищая свою родину.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-4444-6725-1

© Коллектив авторов, 2018
© Садра, 2018

Содержание

От издательства	6
Предсказание	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мой командир (сборник)

© Табаи Сейед Нассер, составление, 2018

© Никитенко Е., Тарасова С., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Садра», 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

От издательства

Сборник «Мой командир» знакомит читателя с литературой Сопротивления, посвящённой событиям Ираноиракской войны 1980–1988 гг. Эта война, ставшая одним из самых масштабных и затяжных вооружённых конфликтов XX века, оказалась первым серьёзным испытанием для молодой Исламской республики. Руководство Ирака, теша себя надеждой на то, что Иран ослаблен революционными потрясениями, рассчитывало в кратчайшие сроки захватить приграничную нефтеносную провинцию Хузестан; однако, несмотря на поддержку крупнейших мировых держав, агрессору оказалось не под силу сломить героическое сопротивление иранского народа. Ценой огромных человеческих потерь Исламской республике удалось остановить вражеское наступление. За восемь лет Иран потерял сотни тысяч человеческих жизней, многие крупные города серьёзно пострадали от налётов иракской авиации. В ходе конфликта Ирак применял химическое оружие, от которого гибли в том числе и гражданское население.

С момента окончания Ирано-иракской войны прошло всего лишь три десятилетия, и её события ещё не стёрлись из памяти старшего поколения иранцев. Для многих война обернулась личной трагедией, боль которой не утихла до сих пор. Память о событиях тех дней поддерживается на государственном уровне. Ирано-иракская война носит официальное название «навязанной войны» или Священной обороны. Павшие на поле боя именуются шахидами – героями, пожертвовавшими жизнью ради своей веры и родины. В их честь называют улицы, их портретами украшают города и деревни. Многие события тех лет осмысляются в контексте религиозной истории: героически погибшие участники Ирано-иракской войны ставятся в один ряд с павшими в Кербеле сподвижниками Хусейна, третьего шиитского имама и внука пророка Мохаммада.

Военная литература появилась в Иране в первый год военных действий как отклик уже состоявшихся писателей на трагические события, принесшие страдания их соотечественникам. В годы войны сформировалось новое поколение авторов-фронтовиков, стремившихся своими произведениями поднять боевой дух товарищей по оружию. В военной прозе того времени преобладали такие жанры, как рассказ, очерк, беллетризованный репортаж. В послевоенные годы было опубликовано множество воспоминаний, в том числе и написанных женщинами – теми, кто пережил иракский плен, смерть близких, тяготы жизни в тылу. Российский читатель уже имел возможность познакомиться с некоторыми образцами иранской литературы Сопротивления: на русский язык переведены романы «Шахматы с Машиной Страшного суда» Хабиба Ахмад-заде и «Путешествие на высоту 270» Ахмада Дехкана, а также воспоминания Масуме Абад «Я жива» и недавно вышедшая документально-биографическая книга «Жена героя».

Книгу «Мой командир» логически можно разделить на три части. «Предсказание» – это размышление писателя о враге, попытка разглядеть в нём человека, мечтающего о мирной жизни, но вынужденного вести несправедливую войну – и оттого обречённого. Повествование ведётся от лица солдата иракской армии. Читатель узнаёт о его мечтах, страхах, мыслях и чувствах. Автор повести – педагог по профессии, в годы войны работал школьным учителем в своей родной провинции Ардебиль и не принимал непосредственного участия в военных действиях.

В 1990 г. в Иране был издан сборник «Мой командир». Рассказы, вошедшие в него, написаны фронтовиками, лично побывавшими на передовой. Начиная рассказом «Я вернусь в день Ашуры» и до «Иисус из Курдистана» – это воспоминания бойцов иранской армии об их командирах, павших в бою.

В 1991 г. писатель и участник боевых действий Мохаммад Джавад Джазини собрал очерки, которые были опубликованы в периодической печати во время войны или вскоре после

её окончания, и издал их отдельной книгой «Наджиб». Рассказы из неё завершают наш сборник.

Книга «Мой командир» не только знакомит читателя с непосредственными свидетельствами Ирано-иракской войны, но и позволяет составить представление о том, как события тех лет воспринимаются в Иране сегодня. Ведь именно в ходе войны сформировалась система ценностей, ставшая неотъемлемой частью идеологии современной Исламской Республики Иран. Надеемся, что в этой книге читатель найдёт для себя много интересного и поучительного.

Евгения Никитинко

Сейед Нассер Табаи

Предсказание

Давуд Гаффарзадеган

1

Оборачиваясь назад, он каждый раз ощущал дрожь в коленях и чувствовал, что здесь, на горной тропе, смерть пытается сбить его с толку – головокружением, сухостью во рту, холодной испариной на спине.

И как только лейтенанту удавалось так резво и беззаботно скакать по камням? Через каждую сотню шагов он останавливался и озорно выкрикивал: «Приди, красавица, приди!» Голос у него был звонкий и радостный, как у ребёнка, из его розового рта вырывались облачка пара.

От лейтенантовых окликов ему почему-то становилось не по себе. Может, потому что сам он высоты боялся, а лейтенанту – он видел, – было ни капли не страшно. Или просто в последнее время он взял привычку каждый раз, видя перед собой чей-нибудь затылок, представлять себе, какая под ним скрывается черепушка. Он никогда не забывал, что всё это оживление скоротечно: несколько дней – и весельчак превратится в холодный кусок гниющего мяса и соберёт на пир орды муравьёв и мух.

Он думал только о смерти, это вошло у него в привычку. Если бы не стыд перед лейтенантом, он сбросил бы на землю всё это железо, которым его нагрозили, и заткнул пальцами уши – лишь бы не слышать яростный хохот смерти, доносившийся со дна ущелья.

Чем выше он поднимался, тем труднее становилось идти. Он то и дело поскальзывался на подтаявшем снегу, а когда ненароком оглядывался, у него перехватывало дыхание. Он сильно отстал от лейтенанта, который, ожидая его, остановился посреди занесённой снегом площадки и обозревал окрестности.

Собравшись с силами, он сделал несколько быстрых шагов и взобрался на скользкий обледенелый камень. Только не оборачиваться. Лейтенант нагнулся, зачерпнул пригоршню снега и, слепив снежок, метнул в него. Снежный снаряд угодил точно в ремень портупеи на груди. На эту выходку он ответил улыбкой – просто не знал, как ещё реагировать. До сих пор ему приходилось общаться только с солдатами, с которыми можно было запросто поболтать и подшутиться, но как вести себя со старшим по званию, да ещё и офицером, он плохо себе представлял.

Этого лейтенанта он видел впервые. Если раньше они и встречались, то при таких обстоятельствах, когда черты лица и имя человека ровным счётом ничего не значили.

Приказ был такой: «Лезть в горы вместе с лейтенантом, вести наблюдение за противником».

Как всегда лёгкий на подъём, он собрался в один миг. Отыскал лейтенанта, вытянулся перед ним по струнке, щёлкнул каблуками. Машина неслась по равнине, водитель привычно давил на газ. Когда они съехали с главного шоссе, лейтенант достал сигарету и закурил. В свете заляпанных грязью фар в окнах тесной задымлённой кабины джипа проносилась перед глазами тёмно-серая степь. Он не помнил, как долго они ехали. Земля впереди и позади была вспахана снарядами. Машина то и дело ныряла в воронки, оставленные взрывами. Ехали по возможности быстро. Он крепко держался за холодную дугу каркаса под брезентовой крышей кузова, чтобы не кувырнуться. Это был новый для него район – никогда раньше он не бывал

в горах. Он подумал: «Если человека подстрелить на снегу и оставить лежать, что станет с его лицом? Раздуется ли труп, как те, в плавнях?»¹ И как крысы...

Возможно, эти мысли только сейчас пришли ему в голову, а в машине, по дороге сюда, он думал совсем о другом. Он осознал вдруг, что совершенно ничего не помнит о поездке и не может представить себе водителя: круглое у него было лицо или длинное, как у лейтенанта. В памяти всплывал только падавший на лоб завиток волос, да ещё чёрная и толстая, похожая на пень шея. А может, этот завиток он видел где-то в другом месте, и мясистый загривок запомнился ему когда-нибудь раньше, и теперь, стоя на скользком камне и трясясь мелкой дрожью, он выдумывал всю эту ахинею, чтобы отвлечься. Разве всё это хоть что-нибудь значило?

Лицо у лейтенанта было узкое, шея – тонюсенькая. Удивительно, как такой тощий дохляка вдруг оказался здесь, в самом центре боевых действий... Он вспомнил: да, точно! – это была шея водителя – мощная и отдавала в синеву. Когда тот повернул в его сторону голову с торчащим изо рта окурком, он смог разглядеть жёлтые зубы и глаза навывкате. Водитель молча высадил их среди холмов, живо крутанул руль и умчался со скоростью ветра.

Лейтенант проводил взглядом удаляющийся джип и присвистнул. Потом огляделся вокруг и вдруг с детской улыбкой уставился прямо ему в лицо.

Там, внизу, воздух был чистый и мягкий, совсем не то что здешний – плотный, тяжёлый. Там не тянуло холодом, и ветер не выметал из-под камней снег, норовя швырнуть в лицо. Кругом царили покой и тишина, всё сияло чистотой. В узкой ложине между холмистыми отрогами хребта природа сохранила свежесть первых дней творения. Ему подумалось, что мир, должно быть, был создан именно таким: неподвижным, беззвучным и кристально чистым, с чуть подрагивающими в воздухе клубами тумана... Но нет, всё не то. Все его рассуждения – только обрывки чужих мыслей, которые он позаимствовал за неимением собственных. У него самого никогда не хватало времени на уединённые размышления. Всегда в нём сидело какое-то изматывающее внутреннее беспокойство. И теперь его не покидало ощущение, что вся его жизнь с её бесконечной мышинной вознёй имела только одну цель: лезть в гору за этим тощим лейтенантиком, пока от слабости не начнут подгибаться колени, так что страшно будет вздохнуть.

Внизу ему удалось улучшить несколько минут, чтобы как следует осмотреться. Сложив снаряжение на землю, он стоял и ждал, что прикажет лейтенант. Тот разглядывал деревья и кусты, росшие в ложбине, и протекавший неподалёку ручеёк и, кажется, с большим вниманием вслушивался в его журчание. Он стоял, руки в боки, весь превратившись в слух, медленно переводя взгляд с одного предмета на другой.

Он стоял без движения, украдкой разглядывая лейтенанта. Кажется, тот не собирался в ближайшее время куда-либо идти. Он отошёл на несколько шагов, остановился на берегу ручья и огляделся по сторонам, то и дело возвращаясь взглядом к каменной громаде горы, грозно возвышавшейся над ложбиной.

«Лейтенант этот то ли псих, то ли стишата пописывает...» – подумал он и, не задерживаясь дольше, перемахнул через ручей и нырнул в рощицу.

Вернувшись, он увидел, что лейтенант всё так же стоит с отсутствующим видом, уперев руки в бока. Он пожал плечами и снова пошёл бродить. Под ногами шуршали сухие листья. Он присел на корточки перед кустом. Разнообразие цветов поражало. Как пришелец с другой планеты, он словно бы впервые видел листья, узнавал, что трава зелёная, различал цвет и форму камней. Кажется, за эти два-три года солдатской службы он не думал ни о чём, кроме смерти. Ему вдруг пришла в голову мысль: «Если смерть – как падение листа с дерева, то за этим стоит целая история. Выйти из земли и снова уйти в землю. Так зачем же так сильно её бояться?»

¹ Имеются в виду плавни на реке Шатт-эль-Араб, в районе которой во время Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. шли наиболее ожесточённые боевые действия.

Нет, он боялся не самой смерти. Он боялся того, как ему придётся умереть. Стать «пушечным мясом»... Было трудно подобрать нужное слово... наверное, пропасть почём зря. Да, оно самое: унижение нелепой, навязанной тебе смертью.

Он ничего не мог поделать. Эти мысли преследовали его постоянно. С того самого дня, как их перебросили в район операции. В плавнях он больше всего боялся крыс, жравших трупы, и ночных кошмаров. Ему снилось, как среди зарослей тростника тихо покачивается на воде его раздутый труп, и крупные серые крысы с острыми зубами и маленькими розовыми лапками сидят у него на груди и – мокрые, зловонные – жуют его плоть. Сначала они объедали уши, нос и щёки, потом принимались за губы и глотку, прогрызая себе путь к его гниющим внутренностям.

Каждый раз, проходя на лодке через тростники, он натывался на такие трупы. По ночам, лёжа в спальном мешке, наглухо застёгнутом до подбородка, он до самого утра обливался потом, не решаясь высунуть голову наружу. Много раз он чувствовал быстрые движения крыс, пробегающих по брезенту спального мешка, и крик ужаса застревал у него в горле.

Поднимаясь с устланной сухими листьями земли, он подумал: «Откуда взяться крысам в такой снег и холод?»

Тут ему вдруг стало легко, и от радости он пустился бежать. Забравшись на большой валун, он остановился и здесь, под грозно нависающей громадой горы, задумался о своих снах. Почему в его кошмарах всегда было столь – ко бесконечных падений? Может, таким образом сны предупреждали его о грозящей опасности? И почему же на секунду – всего на одну секунду, когда он вылезал из джипа, ему показалось, что он уже видел это место раньше? Всё выглядело таким знакомым. Если это не так, то почему его охватил такой ужас? Холмистые отроги, покрытый снегом пик и этот лейтенант с его идиотскими причудами – всё казалось до странности знакомым.

Он подумал: «Конец – миг, назначенный судьбой, – может настать где угодно». Возможно, теперь, когда кошмар с крысами-трупоедами остался позади, его поджидает нечто намного более страшное и свирепое...

Когда шум мотора затих вдаль, его охватило ощущение, знакомое, наверное, прокажённым, оставленным в богом забытой глуши. Непонятно было, что теперь делать. На лейтенанта рассчитывать не приходилось: что он есть, что его нет – никакой разницы. Тут не было ни стрельбы, ни криков и приказов. Зло, принесенное войной, ещё не проникло в этот нетронутый уголок. Собирались открыть новый фронт. Тишина была полная. Только где-то между древесных корней слышался робкий переливчатый говорок – это из-под тонкого слоя наледи выби- рались струйки талой воды, и над ними поднимался легкий пар, да еще где-то вдалеке пела неизвестная ему птица.

Мир по ту сторону холмистого отрога, призрачный и таинственный, затих, окутанный лёгкой дымкой. На этой стороне, где стояли они с лейтенантом, предметы были очерчены так чётко, что казались нереальными, будто в волшебном сне. Быть может, он уже много раз видел этот сон: он стоит в ложбине между холмами, светлый и прозрачный воздух сияет, как зеркало. Нет ни назойливой жары, ни кусачего мороза. Гряды белых об лаков плывут над горизонтом, к солнечному диску летит птица, из крошечного клюва изливается песня. И он, единый с окружающей природой, стоит в щедром потоке сияющих лучей, – человек без прошлого и будущего, плывущий в настоящем, с головой окунувшийся в солнечный свет. Когда он видел этот сон?

В плавнях его непрерывно преследовало ощущение близкой гибели. В душном воздухе стояла одуряющая жара. Всё казалось пустым и лишённым смысла. Лодка, рассекая гладкую грудь реки, неспешно пробиралась среди тростниковых зарослей. Ребята, молчаливые и насто-

роженные, застыли вдоль бортов. Узкая полоска открытой воды извивалась между тростниками. В любую секунду они могли натолкнуться на засаду и получить в грудь очередь свинца.

Он сидел на корме и, держа палец на спусковом крючке, осматривался по сторонам. Его страшно мучила жажда. Свернув в первую протоку, они увидели тела своих товарищей, почерневшие и раздувшиеся, уже частично обглоданные рыбами и крысами. В воде плавали тонкие извилистые волокна, объединенные места тошнотворно белели. Неподалёку от тел виднелась застрявшая в иле перевернутая лодка с пробоиной в днище, наполовину ушедшая в воду.

Они прошли ещё немного вперед и осторожно приблизились к трупам. Нужно было как можно быстрее выловить мертвые тела и вернуться.

Впервые в жизни он прикоснулся к влажной и склизкой коже трупа. Несмотря на жару, его бил озноб. В нос ударил запах, никогда до этого не слышанный, – запах, от которого сердце сдавливалось, словно тисками, а рот наполняла горькая желчь. Стоило ему потянуть к себе первый труп, как от него отделились несколько крупных крыс и уплыли в тростники. С тех самых пор его начали мучить кошмары о крысах. Отвратительные грызуны жадно поедали человеческую плоть и с каждым днём всё сильнее жирели. Откормленные, раздобревшие крысы, покрытые мокрой серой шерстью, с острыми вечно что-то вынюхивающими мордами...

Свист лейтенанта привёл его в чувство. Как долго он здесь простоял? Подхватив ранец с радиостанцией, он спрыгнул с валуна в снег. И надо было даже тут, по пути в горы, думать о трупах! Лейтенант глядел на него и посмеивался, потом с силой затопал ногами, как будто бежит, – и вдруг действительно бросился к нему. Его смех становился всё громче, он выставил вперед руки, как бы зовя его, – так подзывают ребенка, который учится ходить.

Он почувствовал, как от стыда у него начинают гореть уши. Лейтенант был ещё слишком далеко и не мог видеть, как он краснеет. Он махнул лейтенанту, чтобы тот шёл первым, а сам поплёлся следом. Шёл согнувшись, чтобы перенести центр тяжести вперед. Как же он боялся сорваться вниз. Страх был неестественно силен: лейтенант, на вид неженка, взбирался по загровку горы легко и проворно, а когда останавливался перевести дыхание, то даже принимался насвистывать.

В горах прокатилось тяжёлое глухое эхо далёкого оружейного выстрела. Оставалось пройти ещё половину пути. Чем ближе они подбирались к вершине, тем больше было снега и меньше следов. Опираясь на автомат, он медленно и осторожно карабкался в гору. Всё его тело накалилось, а кровь как будто пыталась разорвать сосуды и выплеснуться наружу. Хотелось поскорее добраться до блиндажа и передохнуть. Казалось, что там, на неприступной с виду вершине, он будет в полной безопасности. Вот только лейтенант вызывал у него опасения. Непонятно было, что он за человек. До сих пор он вёл себя как безобидный простачок, но в то, чтобы офицер мог оказаться смирным тихоней, верилось слабо. Он решил, что это временное помешательство вызвано красотами природы, а по прибытии на пост он будет лейтенант как лейтенант. Хотя какая разница? Он привык уживаться с кем угодно – другого выхода не было. Ему только хотелось поскорее добраться до блиндажа. Где-то он вычитал, что то ли вьетнамского, то ли какого-то ещё солдата нашли в лесу, где он скрывался – хотя война уже давно кончилась. Остался в лесу, обжился там. В газете напечатали его фотографию. Худосочный узкоглазый человечек обалдело смотрел в камеру. И зачем отрывать таких от родного гнезда? Разве это только страх? Нет, не один только страх, есть ещё что-то...

Ещё что-то. Как бы это объяснить. Хоть бы кто-нибудь писал ему. Но у него никого не было. Вот только тот локон, падавший на лоб... Где он его видел?

Нет, он не хотел умирать. Тот локон точно кому-то принадлежал... кому-то с чарующим, требовательным, полным упрёка взглядом. Где она ждала его? Главное – не допустить, чтобы крысы испортили ему лицо. С чего он решил, что их здесь нет? Они были везде: под артиллерийским огнем, среди разрывающихся снарядов. От ненасытной тяги к человечине они потеряли всякий страх. Сновали повсюду и что-то вынюхивали, поводя острыми мордами с отто-

ченными зубами. Не успел он ещё передохнуть после дороги, как увидел их. Не удалось даже осмотреться и понять, куда его занесло.

Пришёл приказ: «Срочно прибыть на линию фронта».

Он понимал, что это не шутки. Ясно, что и в прифронтовой полосе тоже никто не думал шутить – шла война. Отряды смерти, вооружённые легкими ручными пулемётами, болтались тут и там – блиндажные крысы в защитной униформе, – а полковники и бригадные генералы с охапками медалей в руках и полными карманами приказов о расстреле в один голос орали: «Иди и сдохни!»

Всем одинаково на роду было написано умереть, но смерть у каждого была своя, особая. Он много раз такое видел. Помнил, как однажды солдату, который всегда при обстреле высовывал ноги из блиндажа, осколок угодил прямо в грудь. Тот даже охнуть не успел. А ведь как хотел жить, пусть даже и обрубком. Очень редко случалось, чтобы осколок попадал лежащему человеку прямо в сердце. Вот только парень не знал, что смерть уже караулит его. Его собственная смерть, не чья-то другая. Там рядом были ещё ребята, они даже лечь не сподобились. Но тот кусок раскалённой стали был предназначен не им. Он был послан специально этому несчастному олуху, который перехитрил сам себя...

Почти как в детстве, когда он думал, что у каждого человека на небе есть своя звезда, только его и ничья больше. Когда она сгорала и падала, и за ней тянулся в небе яркий след – прямо как при стрельбе трассирующими, – кому-то наступал конец. Хотелось ли ему знать свою судьбу? При виде мёртвых тел он каждый раз принимался гадать, как погибли эти ребята. Представлял себе агонию: тело корчится в предсмертных судорогах, пальцы скрючиваются, одним махом обрубают все мечты о долгой и счастливой жизни.

И ничего тут не поделаешь. От такого гостя не укрыться и не спрятаться. Сам он, если повезёт, получит пулю в лоб или в сердце, или раскалённый осколок снесёт ему голову. Он продолжит бежать: ещё несколько шагов под осоловелым взглядом широко распахнутых глаз отсечённой головы, залитый хлещущей из горла кровью... Всего несколько шагов. Брызги крови на чужой земле. Голова затихнет, глаза остекленеют. Лицо – если останется цело – посереет, и гримаса смертельного ужаса застынет в нём, как в камне. Сквозь неплотно прикрытые губы в рот набьётся сухая пыль. Тело повалился на землю рядом с головой. Пару раз дёрнутся ноги, елозя пятками в пыли, трепыхнётся, пульсируя, ещё тёплый ком мышц, дрогнут пальцы – и всё.

Эта смерть была из разряда хороших, приятных смертей. Он всё взвесил и просчитал.

Приятная смерть... Да, так и есть. Приятная, но не желанная. Хорошо бы уйти на старости лет, в конце заслуженного отдыха, устав от долгой и счастливой жизни, среди целой оравы детей и внуков. Прямо как в кино. Кстати, почему он до сих пор не написал завещания? Всё откладывал на завтра. Может, там, наверху, выдастся свободная минутка. Но нет, он боялся. Он не собирался умирать. Зачем же тогда завещание? Ради кого? Может, ради той, с локоном? Пусть уж лучше ждёт его и надеется – если, конечно, она ему не приснилась.

Фильмы и сказки – это хорошо. Особенно сказки... Жил да был добрый старик. И всего-то и было у него на свете, что дочка-красавица, прекрасная, как ясное солнышко. А правитель той земли считал, что всё хорошее должно доставаться ему. И вот однажды... Жаль, он не помнил продолжения. Конец был хороший, это он знал. Как всегда в сказках, они кончались так, как тебе того хотелось. Молодые получают всё, о чем мечтали, старики со спокойной душой отходят в мир иной. Почему человеку обязательно расти на таких утешительных побасёнках?

А что, если бы их не было? Жизнь, наверное, стала бы похожа на жуткий водоворот из пустоты. Не осталось бы ничего, кроме разочарования, стыда и смерти. Был бы только скот, непрерывно гонимый на бойню. Да, сказки неплохо помогали. И помогают до сих пор: на что, как не на сказку, походила эта нетронутая природа, распростёршаяся перед ним? Разве не из сказки были эти горы, этот белый холодный сияющий снег, устилающий землю? Если бы только

война не добралась до этих мест, и горы могли бы и дальше вздыматься в своём многовековом одиночестве, горделиво озирая окрестности...

Снег был совершенно чистый, только две цепочки следов тянулись из ложбины – отпечатки его и лейтенантовых ботинок. Он подумал, что лейтенант, должно быть, носит сороковой или сорок первый размер. Какие крошечные ноги!

Он ускорил шаг. Дрожь в коленях поутихла, и подниматься стало легче. Как будто бы гора смирилась с его присутствием у себя на загривке. Он пробирался между скальных обломков и с каждым шагом всё быстрее приближался к лейтенанту. Пока что не было и намёка на то, что сторожевой блиндаж где-то рядом. Наверняка он был хорошо замаскирован, а наваливший снег скрыл его ещё надёжнее. Вот и отлично!

У него мелькнула мысль: «Это же самая высокая точка на местности. Почему бы и врагу тоже не оказаться здесь? Может, их дозорные уже тут. Может, они там, за валунами, сидят в засаде и только ждут момента».

Он остановился, чтобы осмотреться. Пальцы впились в приклад автомата. Но он не увидел и не услышал ничего подозрительного – только лёгкий шелест ветра в сухом кустарнике.

Лейтенант тоже остановился и смотрел в его сторону. Теперь его лицо было серьёзно; казалось, он чем-то озабочен. Присел за валун, поднёс к глазам бинокль и осмотрелся. Потом поднялся и, усмехнувшись, повернулся к нему спиной и снова двинулся вверх.

И зачем он показал, что боится. Самому от себя тошно. Ему никогда не удавалось скрыть от окружающих свой страх – вечно на чём-нибудь прокалывался. И в детстве тоже. Мать быстро выводила его на чистую воду и накидывалась с веником. Он убегал от нее, описывая круги по двору, и в конце концов спасался на крыше. Туда мать за ним не поднималась. Стоя внизу, она осыпала его руганью и потом, облегчив душу, возвращалась к своим делам. Он, зная, что опасность миновала, устраивался на крыше поудобнее – лёжа, глядя в небо. Он любил следить за полётом птиц и придумывать истории, рассматривая причудливые фигуры из облаков. Не успевал он опомниться, как наступал вечер и приходила очередь звёздам всплывать над горизонтом. Вон та, большая, – мамина, а эта, которая подмигивает, – папина звезда. Она мигает, чтобы сказать: папа уехал и больше не вернётся. Ему было одиннадцать, когда он догадался. До этого матери удавалось его обманывать. Папа уехал навсегда – прямо как он сейчас. Какая же мать расскажет своему ребёнку, почему нет отца? Об этом он как-то не задумывался.

Как же другим удавалось не выдать своего страха? Только в момент смерти открывалось их истинное лицо. Те самые люди, что ещё минуту назад болтали и перешучивались, теперь в ужасе метались из стороны в сторону. Не помня себя от страха, они пытались ухватиться за жизнь. Молили о помощи камни. В панике принимались рыть землю, как охотники за наживой в поисках соколовища. Просили жёсткую глину обнять и укрыть их. Но спасение не приходило, и они, как пойманные зверьки в лапах смерти, корчились и погибали в чужой земле. Их душевраздирующие крики были способны расколоть надвое небесный свод, но никто не приходил им на помощь. Когда боевые действия приостанавливались, убитых хоронили, а те, кто остался в живых, снова принимались шутить и беззаботно трепаться – как будто ничего и не было.

Он слышал, что сильнее всех боятся смерти люди с хорошим воображением. Ибо непомерно велик в их глазах ужас небытия, внушаемый ею.

2

Лейтенант был так погружён в свои мысли, что не заметил его прихода. Он стоял подбоченясь и смотрел прямо перед собой. Шапку он снял и, скомкав, держал в руке, рюкзак бросил возле блиндажа. Взгляд у него был наивно-удивлённый, лицо – безмятежное, из носа вырывались облачка пара.

Он опустил передатчик и автомат на землю возле лейтенантова рюкзака, нагнулся и заглянул в блиндаж. Уютное, похоже, было местечко. Когда он вылез обратно, лейтенант всё ещё стоял, тупо глядя в пространство. Как будто его не волновало, что они, быть может, находятся в зоне досягаемости снайперского огня.

Он кашлянул, чтобы напомнить лейтенанту о своём присутствии. Он всё ещё тяжело дышал, вдоль хребта стекали струйки пота. Механическим движением он стянул с головы шапку, поднял глаза и уставился вперёд, на открывавшийся с горы вид. Казалось, он видит сон. Но нет, он не спал. Широко раскрыв глаза, он разглядывал самый красивый пейзаж в своей жизни.

Сделав несколько шагов вперёд, он остановился у края обрыва. Тут склон был ровный, как стена. Никак нельзя представить, чтобы с этой стороны кто-то мог подняться наверх. Наконец-то он в безопасности. Обрыв был со стороны врага, и оттуда им ничто не угрожало. Он поднял камень и глянул вниз. Голова у него закружилась. Он зажмурился, потом снова открыл глаза. Ущелье было глубокое и каменистое. Между острых камней торчали тонкие квёлые стебли. Нет, с этой стороны никто не сможет подняться. Разве что горный козел, или джинн или пери. Он снова посмотрел вперед. Ручей огибал гору и с этой стороны делался шире. Впереди, насколько хватало глаз, лежали тёмно-зелёные луга, среди которых там и тут поднимались деревца. Вдалеке между деревьями медленно продвигалась вперёд чёрная колонна. За высокими чинарами маячил призрак деревеньки. Ещё дальше – только тишина и покой. Невооружённым глазом нельзя было уловить ни единого намёка на присутствие здесь военных. Смущала только чёрная колонна, которая по-муравьиному уползала вдаль и терялась среди холмов. Наверное, это деревенские жители, прихватив свой скарб, покидают дома.

Он отступил подальше от края обрыва. Вспотевшее тело успело обсохнуть. Здесь, наверху, было холоднее. Мороз покусывал кожу на лице. Он натянул на голову шапку и снова бросил взгляд на лейтенанта – теперь тот осматривал окрестности в бинокль. Растирая замёрзшие руки, он двинулся в сторону блиндажа.

Воздух внутри блиндажа был затхлый и неподвижный, пахло протухшей едой и потом. В углу поднималась куча из пустых консервных банок, на полу валялись окурки и ещё какая-то дрянь. Он сел на ящик с боеприпасами и стал прикидывать, как бы получше приспособить помещение для жизни. Оглядевшись как следует, он пришёл к выводу, что в целом блиндаж обустроен прилично, достаточно просто выгрести весь мусор. Главное – это еда и топливо, тут местных запасов хватит на несколько дней. И ещё свет – на деревянном столбике болтался закопчённый фонарь. Итак, для начала он собрал мусор и окурки и ссыпал в угол, под одеяло. Потом заправил фонарь керосином и зажёл фитиль. В мягком жёлтом свете фонаря помещение выглядело по-домашнему уютным – как будто они приехали погостить в деревенском доме в каком-нибудь милом местечке. Оставалось ещё одно дело. Он откинул одеяло, закрывавшее вход в блиндаж, – нужно было как следует проветрить. И вот наконец всё было готово, и ему страсть как захотелось прилечь и покемарить в своё удовольствие. Проинспектировав свои владения, он обнаружил потрёпанную засаленную колоду карт и несколько старых журналов с загнутыми краями. За обложкой одного из журналов оказалась фотография, на которой в полный рост была изображена высокая стройная женщина. Сверкая мини-юбкой и точёными ножками, она рекламировала чулки. Позади неё синело море, её взгляд был устремлён в сторону, на какой-то неизвестный объект. На её ясный бронзовый лоб как будто случайно падал золотой локон.

Он поднял журналы и стопкой сложил их на ящик. Потом собрал карты в колоду, несколько раз перетасовал и запихнул в маленький карман рюкзака. Расстелил на полу блиндажа два одеяла и почувствовал огромное искушение сейчас же завалиться спать. Но было бы скотством не дожидаться лейтенанта. Он пнул банку с рыбными консервами, и та покати-лась по одеялу. Рыбья голова с этикетки уставилась на него своими маленькими выпученными

стеклянными глазами. Носком ботинка он закатил банку в угол. Что ему напоминали глаза этой рыбины? Неохота было об этом думать. В кои-то веки он нашёл укромный уголок и хотел пожить в спокойствии. Он поднял с пола жестянку с ананасовым компотом, открыл и несколько раз отхлебнул. Ощущение горечи во рту пропало. Он всегда был не прочь посмаковать прохладный компот, но здесь, похоже, чай или кофе больше пришлось бы к месту. Ему страшно захотелось чаю – ароматного, горячего, с лёгкой горчинкой. Компот он допил безо всякого удовольствия – вкусными оказались только первые глотки. Сняв в руке пустую банку, он выкинул её наружу через дверной проход. Банка с грохотом ударилась о камни и покатилась вниз. Зараза, ну и звук! Как в жаркий полдень в тихом переулке ухнуть о мостовую с крыши железным корытом. Ещё несколько мгновений было слышно, как жестянка катится вниз, прыгая с камня на камень. Подлетает резво, это как пить дать. И много же ей понадобилось времени, чтобы допрыгать до дна. Он подумал: «Человек потяжелее будет. И поухватистей».

Лейтенант, весь красный, влетел в блиндаж, мыча ругательства и потрясая биноклем, и выпалил, что давно пора усвоить, что значит быть дозорным, а если он ещё не усвоил, то пусть теперь глядит в оба, чтобы ему, лейтенанту, не пришлось ему напомнить, и так далее и тому подобное.

Он оторопел от такой резкой и внезапной перемены. Надувшись, старался не смотреть лейтенанту в глаза, думая про себя: «Так я и знал: эти сукины дети – все одного поля ягоды!»

Но тут лейтенант внезапно умолк. В восхищении он разглядывал роскошное убранство их новых хором, так и забыв опустить руку с биноклем. На его лице снова появилось выражение детской невинности.

– Ого!

При виде всех этих журналов, разноцветных банок с консервами и канистр с керосином лейтенант растаял. Осматривая блиндаж, он заметил уголок книги, выглядывавший из-под кипы одеял, и вытащил её на свет божий. Положив бинокль на ящик, он с любопытством стал перелистывать страницы.

– Ты только посмотри, что я нашел! Китайская священная книга².

– Зачем она нам?

– По ней можно гадать. Неплохое развлечение.

Он положил книгу на журналы, взял карту местности и, подхватив бинокль, вышел из блиндажа.

– А тут, похоже, не всё спокойно.

С такими людьми ему ещё никогда не приходилось иметь дела. Вот это фрукт! Сначала испортит настроение, а потом и виду не кажет, как будто так и надо. Так загореться при виде какой-то затасканной книженции... Да ну его к чёрту!

Он ещё раз пошёл проведать запасы консервов. Хотелось пить, и лучше бы – горячего чаю. От компота жажда только усилилась. Сидя на корточках перед термосом, он осушил подряд несколько стаканов. Вода была тёплая и затхлая, а всё-таки пить было в удовольствие. Он вытер губы рукавом и полез наружу на поиски чистого незатоптанного снега, чтобы закинуть в термос. То тут, то там белизну снежного покрова разбавляли желтоватые ямки и прерывистые зигзагообразные линии. «Вот она, солдатская житуха, – подумал он. – Нагадили... Как цыгане: сегодня в этом блиндаже, завтра – где-нибудь ещё. Может, в земле. И моча эта жёлтая, потому что жёлтый – цвет страха. Страшно умирать».

Уже в чуть более унылом настроении он вернулся к обрыву. Лейтенант примостился за валуном и, осматривая окрестности в бинокль, делал пометки в карте. Он встал за спиной у лейтенанта, потом присел на корточки и прижал пальцами края карты, которые нещадно трепал ветер. Лейтенант улыбнулся ему.

² Имеется в виду «Книга перемен».

– Я тут не нашёл поблизости камней весом меньше, чем в несколько кило. А я, как видишь, не то чтобы спортсмен.

Он ещё раз глянул в бинокль и снова начал наносить пометки – красные крестики, один за другим. Закончив, поднялся, свернул карту и принялся разъяснять ему обстановку. На секунду его указательный палец остановился на чёрной колонне, которая медленно двигалась за деревьями.

– Думаю, это кочевники. Может, даже наши.

Потом он передал ему бинокль:

– Взгляни-ка, – а сам пошёл в сторону блиндажа. – Настроил передатчик?

Он проводил лейтенанта взглядом и посмотрел на небо – совершенно белое, затянутое облаками. Почувствовал, как сердце затрепетало от радости. Почему так бывает – непонятно. При виде облаков у него всегда делалось спокойно на душе. Как будто они, как стена, отгораживали его от грубого и жестокого мира реальности, отделяли от всех печалей и радостей.

Он развернулся и глянул в тёмную пасть блиндажа, в которой скрылся лейтенант. Теперь оттуда доносилось только его насвистывание и шорохи – лейтенант выходил в эфир. Ему бы хоть немного этого легкомыслия! Насколько легче было бы жить. Трам-пам-парарам... Разве можно вот так, ни с того ни с сего взять и начать напевать и приплясывать? Тут уж кто каким уродился, из какого теста слеплен. Ну да чёрт с ним.

Подняв бинокль к глазам, он принялся изучать местность. Начал от подножия скалы и потихоньку стал продвигаться вдаль. Все вокруг было скользкое и обледенелое, повсюду торчали острые чёрные камни. Он переползал с камня на камень, двигаясь вперёд. Ему всегда нравились такие девственно-чистые, глухие уголки.

Он хотел запомнить все мельчайшие детали местности. Это было лучше, чем лейтенантова бумажная карта, которую мог унести ветер или спалить огонь. Припорошённые снегом замшелые камни по ту сторону кристально чистых линз казались удивительно живыми и яркими. Он неторопливо и с наслаждением разглядывал их.

Он поднял бинокль чуть выше – и вот уже новый вид неведомой земли, на первый взгляд необитаемой. Как знать – может, люди притаились за камнями? До самой речушки не было видно ни души – ни людей, ни зверей. Только ветви покачивались на ветру, а в высоте стремительно проносились птицы. Он перебрался взглядом через речку. Вот бы сейчас пошлёпать по воде! Какое удовольствие – повалиться на мягкий и влажный прибрежный луг или слушать, как чавкает вода под башмаками... Не пройдя и нескольких шагов, он вернулся. Он всегда старался подольше задержаться у берега. Любил разглядывать гальку на дне и смотреть, как бурлит вода в русле. Нет, бурлит – слишком грубое слово. Струится – текучая, мягкая, скользкая. Его взгляд остановился на невысоком деревце, росшем на берегу. Такое одинокое! Он подумал: «Это моё дерево, оно пьёт воду из моей речки, согревается под солнцем моего неба и питается моей благодатной землёй. Не дай бог кто будет вокруг него околачиваться. Моё дерево!» И тут у него мелькнула странная мысль: «В день, когда упадёт это дерево, я тоже лягу. У нас с ним одна судьба. Если я лягу, то и оно...» Он пожалел, что не выбрал какое-нибудь мощное дерево с крепкими корнями, раз уж теперь всё зависит от того, как долго оно продержится. Ну вот, и снова смерть. Он подумал: «Теперь уже поздно. Каждый человек может сделать выбор только один раз. Дерево само всё решило. И когда это я делал выбор сам? Вечно так...»

Вот бы иметь крылья. Тогда он слетел бы со скалы и обнёс бы своё дерево плетёной изгородью. Или каменной – чтобы убедиться, что оно под надёжной охраной. Но как же оно было далеко. По ту сторону от пограничной вершины, на чужой земле. «Как же оно может быть моим? – подумал он. – Наверняка у него есть хозяин. А может, оно дикое. Захотелось ему вырасти у реки. Или его специально посадили на границе между землями кочевников или крестьян... Когда-нибудь хозяин вернётся, посмотрит на него и скажет: “Как выросло и окрепло

моё дерево!» Может, он посадил его в день, когда стал отцом. Может даже, его ребёнок будет стоять рядом с ним. Или нет, он погибнет на войне или бросит его и уедет куда подальше».

И он понял, что, увы, никакого дерева у него нет. Один он одинёшенек. Хотя нет, почему же? Оставалась ещё звезда. Ведь он, живой и здоровый, стоит над пропастью и в бинокль рассматривает долину. Значит, он всё ещё есть, и судьба по-прежнему улыбается ему.

Он выкинул из головы всю эту чепуху про «его» дерево. Выбрался на тот берег и принялся искать среди кустов и камней признаки присутствия врага. Нет, ничего. Всё казалось ненастоящим, словно выдуманным. Ещё немного вперёд. «Тут должен быть враг. Где ж ему ещё быть, имея столько оружия». Он двигался медленно, осторожно. Под ногами шуршали листья. Метнулся к последнему дереву и укрылся за ним. Напротив выстроились в ряд глиняные домишки, нечёткие и размытые, как будто в туманной дымке. Он подкрутил окуляры. Улицы – как будто вымершие. А, нет, – кажется, проскакала лошадь, плеща длинной гривой. Как она неслась! Он опустил бинокль. От долгого напряжения устали глаза. «Воображение разыгралось? Только этого не хватало!» Он глянул ещё раз. Нет, всё верно: по земле вышагивали куры и петухи. Жаль, на дальнюю улицу не пробраться. Эх, будь у меня крылья... два крыла, как у голубя... Он запрыгнул на ближайшую крышу и вдруг наткнулся на старика с огромными усищами. Тот целился в его сторону из здорового древнего дульнозарядного ружья.

Не было смысла рисковать. Он быстро отвёл бинокль. В один скачок пронёсся над деревней и, перебегая от тени к тени, направился к чёрной колонне, которая неспешно двигалась по долине. Было слышно, как позвякивают колокольчики на шеях животных. Мужчины в чёрной одежде, понурившись, медленно брели вперёд: друг за другом, в одну колонну, длинной линией без конца и края – как негатив снимка верблюжьего каравана в пустыне. Вот только солнце в кадр не попало.

Он сел на валун и опустил бинокль на колени. Где он оказался? Несколько минут он просидел в полном оцепенении. Не снится же ему всё это. Поднялся, отошёл к другому склону и направил бинокль туда, где были свои. Быстро спустился по тропинке, по которой они сегодня с таким трудом поднялись, и остановился – как раз в том месте, где лейтенант стоял подбоченья и насвистывал. Перепрыгнул через речушку, и под ногами опять зашуршали листья. Нет, он больше не хотел думать о смерти. К чему бы он ни приближался, на всём видел печать смерти; вся его жизнь вращалась вокруг смерти. Он опустил голову. Совсем вымотался. Но нужно было проверить. Он должен был убедиться, что всё это ему не привиделось. Он направил бинокль на дорогу, по которой их сюда привезли. Как петляет. Степь была всё такая же тёмная, и темнота пахла смертью. Вдалеке – расположение их части: ещё не достроенные укрепления, бронетехника. В ушах раздался лязг танковых гусениц. Странно: как будто линзы бинокля приближали и звуки тоже, вместе с камнями, стадами и солдатами.

Он положил бинокль на камень, словно опасаясь дольше держать его в руках. Повернул голову в сторону блиндажа. Непонятно было, чем там занимается лейтенант. Он всё ещё насвистывал, и был слышен звук переставляемых с места на место предметов. Он направился к блиндажу. Поняв, что забыл бинокль, неохотно вернулся за ним. У самого блиндажа услышал голос лейтенанта и насторожился. Лейтенант докладывал обстановку. Потом он услышал, как лейтенант передал координаты цели и со смешком добавил: «Пока что парочку».

У него вдруг начали дрожать колени. Идти в блиндаж он передумал. Вместо этого опять подошёл к краю обрыва и стал наблюдать за чёрной линией, непрерывно ползущей по долине. Ему на глаза снова попало «его» дерево. Хоть он и решил, что ему дерево принадлежать никак не может, было всё же приятно называть его «своим». Хорошо иметь хоть что-то, к чему можно применить такое определение – «моё». Он зажмурился, ожидая взрыва. И вот воздух содрогнулся. Над застывшей долиной разнёсся грохот и страшным эхом прокатился по холмам. Он открыл глаза. В небе было полно воронья. Мечась из стороны в сторону, птицы летели

к горизонту. Они перепуганно били крыльями и галдели. А чёрная линия никуда не делась: целеустремлённая и бесстрашная, она всё так же неспешно и с достоинством продвигалась вперёд.

Он снова зажмурился, и после того как прогрехотал второй взрыв, ещё долго сидел, не открывая глаз. Так оно лучше, с закрытыми. Где это он читал, что пророк какого-то там народа вечно сидел с закрытыми глазами под каким-то там деревом?

Он бросил бинокль на грязный снег, засунул руки в карманы и сжал кулаки. Вот бы сейчас можно было, зажмурившись, сидеть под «его» деревом.

Открыв наконец глаза, он прямо перед собой увидел лейтенанта, который с удивлением его разглядывал.

– Это для пробы, – пояснил он.

И со смущённой улыбкой прибавил:

– От этих кочевников можно ожидать чего угодно. Собственники! – последнее слово он произнёс с презрением, но голос у него дрогнул. – Ты сам-то не из деревни?

Он встал за спиной у лейтенанта.

– Нет.

– Так, если что – не хотел тебя обидеть невзначай.

– Они же нам не мешают.

– Это было для пробы. Хотел проверить.

– Можно было и по-другому как-нибудь.

– Мы с ними воюем.

– Мы?

Лейтенант удивлённо обернулся к нему.

– Ну да, ты и я, – и залез в блиндаж.

И зачем нужно было всех переполошить? Он вытащил сигарету. Хотелось пойти и спокойно поваляться в блиндаже.

Поднялся холодный ветер, ему в лицо ударило зарядом колких крупинок льда. Курить, стоя к ветру лицом, было неприятно – перехватывало дыхание. Он повернулся спиной к ветру. Подняв голову, с удивлением обнаружил, что небо приблизилось к нему почти вплотную. Из-за гор наполнил густой туман, грузный и тягучий, и набивался в ущелье.

Он пульнул сигарету по ветру. Облако висело прямо у него над головой. Протяни он руку – мог бы ухватить полную горсть. Туман подбирался ближе, подползал к нему. Ещё немного, и он накроет блиндаж.

Ветер подутых, и сверху вдруг посыпались, пританцовывая, снежные хлопья. Он видел снегопад всего несколько раз в жизни. От радости он принялся бегать по площадке, зовя лейтенанта.

Тот выбежал из блиндажа, потрясая автоматом, но, увидев порхающие в воздухе снежинки, вернул оружие на место и подбежал к нему. Скрестив на груди руки, они одновременно и в такт пустились в пляс.

Снежные хлопья с каждым мигмом становились всё крупнее.

Лейтенант, задышавшись, поднял к небу лицо и высунул красный язык. Снежинки опускались на него и таяли. Было смешно смотреть на такое ребячество. Но стоило только ему самому ощутить прохладные прикосновения снежинок к горячему языку, как он оценил всю прелесть затеи.

Снег повалил с такой силой, что невозможно было открыть глаза – в них тут же лезла ледяная крупа и мешала смотреть. Он сказал про себя: «Вот так бы было всегда – весело и легко!»

Его сердце наполняла радость и чувство спокойной уверенности.

Теперь к снегопаду прибавился ветер, и стоять выпрямившись стало невозможно. Они побежали в блиндаж, задвинули дверной проём металлическим листом и опустили полог. Первым делом нужно было зажечь фонарь и обогреть помещение. Снег у них на голове и плечах начал таять, и лицо лейтенанта блестело, как свежeweымытое.

– Эх, нам бы сюда окошко!

– Чего?

– Окно. Так здорово сидеть у окна и смотреть, как падает снег.

С этими словами лейтенант поднял гадательную книгу и уселся на пол. Он подошёл поближе и уставился на лейтенантову находку.

Тот сказал:

– На голодный желудок не пойдёт, – захлопнул книгу и перевёл взгляд на него.

– У самого уже живот свело.

Он взял несколько банок с консервами и примостился на полу. Аккуратно вскрыл банки штык-ножом, вытряхнул содержимое на сковородку и поставил на примус. Баклажанная икра с фасолью.

Вооружившись ложкой, он сидел перед примусом и помешивал еду в сковородке. Лейтенант снова взялся за изучение китайской гадательной книги. Держа её одной рукой и с головой погрузившись в чтение, он другой рукой развязывал шнурки на берцах. Стащив берцы, отшвырнул их к двери, потом собрал валявшиеся вокруг одеяла и подложил под себя – ни дать ни взять курица на сеновале перед тем как снести яйцо.

– Кажется, я сто лет ничего не ел.

Лейтенант не ответил – так увлёкся. Он снял сковородку с примуса и перенёс её на ящик, стоявший посреди блиндажа. Открыл две жестянки с апельсиновым соком и расставил их красиво по обеим сторонам сковородки. Вилки с ложками тоже разложил аккуратно, сбоку от банок с соком.

– Командир!

Лейтенант закрыл книгу и, улыбаясь, придвинулся к столу.

– Света маловато.

Он снял фонарь и придвинул его поближе. Теперь половина блиндажа была ярко освещена, а другая половина погрузилась в темноту. Всё было готово. Во взгляде лейтенанта светились доброта и человеколюбие, над едой поднимался пар, смешанный с ароматом специй.

Не спеша они подняли приборы и приступили к еде. Лейтенант накалывал на вилку небольшие кусочки.

– Знаешь, я учусь на юриста, был бы на последнем курсе... если б не эта война.

– Тут уж куда не денешься.

– Да, увы.

Лейтенант глотнул апельсинового сока, а он не жуя проглотил здоровенный жирный кусок и сказал:

– У нас есть земля. От отца осталась.

– Обрабатываешь?

– Нет, сдал в аренду. Хотел пойти изучать литературу.

Впервые за долгое время ему доводилось поесть в такой тихой и мирной обстановке. Если раньше, в плавнях, приходилось есть в блиндаже, то на душе у него всегда делалось паскудно. Каждый раз, протягивая руку за новым куском, он думал, а не последняя ли это пища в его жизни.

Улыбаясь с набитым ртом, он смотрел в медовые глаза лейтенанта и тщательно пережёвывал еду – старался не отстать от него в соблюдении основ этикета.

Лейтенант сказал:

– Ни в чём нельзя быть уверенным. Вот я – студент юрфака, а сижу здесь... У меня и невеста есть, представляешь?

На секунду он перестал жевать. Через щели между металлическим щитом и стенами в блиндаж просачивался ледяной воздух. Слышно было, как снаружи завывает ветер.

– Ей восемнадцать.

Он опустил голову. Сейчас ему не хотелось встречаться глазами с лейтенантом. Он ополовинил свою банку с соком, поднял пустую сковородку и отставил в сторону. Лейтенант сидел, вытянув ноги, и пытался прикурить от пламени фонаря.

Он было полез в карман за сигаретами, но лейтенант любезно протянул ему свою пачку.

Они сидели друг напротив друга, опершись спиной о мешки с песком, и молча курили. В тусклом свете фонаря было видно, как голубоватые клубы ароматного дыма заполняют тесное помещение и, кружась, поднимаются вверх.

Лейтенант затушил сигарету и решительно поднялся.

– Так, книги и журналы у нас есть. У меня с собой отличный приёмник, японский. Живём! К чёртовой матери этот университет, а заодно и литературу с юриспруденцией.

От слов лейтенанта ему стало легко и хорошо. Он подтянул к себе рюкзак, вытащил колоду карт и положил на ящик.

Лейтенант присвистнул.

– А аппетит-то разгорается. Чего бы нам ещё... для полноты картины? – сказал он и принялся крутить ручку настройки радиоприёмника. Блиндаж наполнили звуки нежной мелодии.

Он откинулся назад и без предисловия начал:

– Как во сне! Я постоянно вижу сны. Как будто крысы...

Лейтенант закурил ещё одну.

– При такой метели один Бог знает, сколько ещё тебе придётся тут сны смотреть.

Это заявление не на шутку его перепугало. Он поднялся, подошёл к выходу и выглянул наружу. С порывом ветра в блиндаж ворвался снежный заряд. Он быстро вернул на место металлический лист и опустил полог.

Лейтенант, усмехаясь, сказал:

– Да и чёрт с ним. У нас всё есть: вода, еда, топливо...

– Это я так, стухнул что-то.

Лейтенант прибавил звук.

– У нас есть радиостанция. Мы им сообщим. Ты представь, что мы приехали в отпуск: два старых приятеля в горах Швейцарии. В любой ситуации можно найти что-то приятное – всё в твоих руках.

С этими словами лейтенант поставил приёмник на пол и поднял гадательную книгу.

На несколько минут воцарилась тишина. Он всё ещё стоял возле входа, следя за тем, как тают снежинки у него на лице. Потом уселся, взял карты и принялся тасовать колоду, приглашая таким образом лейтенанта сыграть.

Но тот был слишком увлечён книгой.

– Нам нужны три монеты одного размера, – сказал лейтенант и добавил: – Никогда не держу в карманах мелочь – очень неприятно звенит.

Он поискал у себя и высыпал найденные монеты на ящик перед лейтенантом.

– Я смотрю, у тебя и вражеские есть!

– Это я на память взял. Вместе с этим перстнем.

Он вытянул вперёд руку и показал лейтенанту свой перстень с бирюзой.

– Ребята просто раздевают мертвецов. А мне только этот перстень глянулся. А мелочь у него из карманов выпала, у парня. Совсем мальчишка, лет двенадцать-тринадцать, не больше.

Лейтенант молчал.

– Перстень был ему велик – он обмотал кольцо тряпочкой.

Лейтенант сказал:

– Подготовь бумагу и ручку.

Он положил карты на стол и достал из рюкзака ручку и бумагу. Зря он заговорил о перстне. Теперь перед глазами стояло лицо ребёнка, изуродованное пулевым ранением. Он послушавил камень и потёр перстень о куртку на груди.

– Бирюзу не полируют, это тебе не сердолик! – рявкнул лейтенант.

Он опустил руку. Помолчал немного, потом произнёс задумчиво:

– Странные они люди...

Лейтенант поднял голову и посмотрел на перстень.

– ...Так просто подставляются под пули.

Лейтенант ухмыльнулся:

– Потому что дети ещё.

– Да хоть и дети, а всё равно странные. Мы такими не были.

– Под этим небом всё едино.

– До сих пор не верится. Их было двое, мальчишки лет по тринадцать-четырнадцать.

Лейтенант посмотрел на него с недоумением.

– Кого?

– С повязками на лбу. Я их чётко видел. Мы спокойно могли всадить им по родинке промеж бровей.

Лейтенант спросил:

– Ты о чём?

– Ты не поверишь, они столько прошли, чтобы забрать телёнка.

– Я так и не понял, о чём это ты.

Он взглянул лейтенанту в глаза.

– Мы залегли за насыпью. С той стороны мычала раненая корова, ветром до нас доносило звук. Она лежала на земле и мычала, и звук был такой, как будто раненый стонет. Ей осколком пробило ногу.

– Да, такое случается.

– Нет, мы сначала думали, что они пришли её добить – чтоб не мучилась. Но один из них сел рядом и стал гладить её по шее. И тут до нас дошло, что она телится. Товарищ мой вырос в деревне.

Лейтенант поёрзал на месте и закрыл книгу.

– Ну и как тебе, можно в такое поверить?

Лейтенант ответил:

– Я же говорю, дети.

– Нет. Товарищ мой ругался на чём свет стоит. Они были совсем ещё малыцы, смуглые такие, с красными повязками на лбу. Пришли, чтоб вытащить телёнка из-под пуля.

Лейтенант негромко хмыкнул.

– Не порти настроение.

– Как корова отелилась, они завернули телёнка в свои куфии³ и смотались оттуда.

– Вам повезло, что они до вас не добрались.

– Да нет, они только телёнка забрать хотели. Корова всё равно бы издохла. К тому же, если бы мы хотели, спокойно могли бы засадить им по пуле в лоб.

– Я и говорю, бывает и такое.

– А перстень я ни у кого не крал. Просто решил взять себе, вот и всё.

Взгляд лейтенанта скользнул по перстню вниз и остановился на монетах.

³ Куфия – клетчатый мужской головной платок, арафатка.

– Ну да ладно, забудем... Эта книга предсказывает будущее. Только вопрос должен быть чётким и ясным. Это тебе не цыганские фокусы.

Он проямлил что-то невразумительное – не знал, что спросить. Такое с ним было впервые – чтобы всё серьёзно. Один раз цыганка нагадала ему по руке: «Этот мир никому не хранит верности, но твоя счастливая звезда стоит высоко. У тебя будет три жены, и когда ты состаришься, твои дети станут тебе опорой и поддержкой. И денег успеешь скопить немало».

Лейтенант повторил свои слова. Вертя в руках монеты, он следил за ним, ожидая вопроса.

– Спрашивай!

– Я не знаю, чего спрашивать.

– Наверняка есть что-нибудь – вопрос, или мечта, или там о любви...

– Про будущее?

– Да, всё что пожелаешь – ответ здесь, внутри.

Ну как же, кое-что действительно было. Почему бы не спросить о смерти? Как он умрёт. Какое тут ещё могло быть будущее? Тут и в любом другом месте. Отличались только способы. Умереть от прямого попадания пули, подорваться на mine, утонуть или разбиться... упасть с высоты и множество других смертей – как звёзд на небе. Что такого страшного, если он спросит. Может, и правда нашёлся кто-то, у кого есть ответы. Он сказал:

– Я загадал.

– Если это не личное, скажи вслух. Хочу посмотреть, какие ответы выпадают.

– Хочу знать, как я умру. И когда.

Лейтенант аж подскочил:

– О смерти? – на секунду повисла пауза. Лейтенант на хмурился, на его лицо как будто легла тень. – Странно.

– Что странного? Уж это – единственное, в чём можно не сомневаться. Только способы разные. Менять вопрос не буду, спрашивай про смерть!

Лейтенант поморщился:

– А какой-нибудь нормальный вопрос не можешь придумать? Про любовь, например.

– Я просто хочу знать, как я умру. Лёгкой смертью или помучаюсь... Я боюсь крыс.

– Крыс?!

– Не хочу, чтоб они мне лицо обглодали.

– Да какая разница? Так или иначе, а все когда-нибудь умрём.

– Вот я и хочу знать, так я умру или иначе.

Лейтенант надулся. Монеты были у него.

Он спросил у лейтенанта:

– Ты зачем навёл на них артиллерию?

– На кого?

– На этих, из деревни. Или кочевников, кто их разберёт. Старики да старухи, три с половиной калеки.

– На войне не халву раздают.

– Они просто шли, никому не мешали.

Лейтенант с раздражением махнул рукой:

– Прекрати уже!

– Я свой вопрос не меняю. Хочу знать, как я умру.

Лейтенант протянул ему монеты.

– Потряси в руках и высыпай на ящик. Думай только о вопросе. Нужно как следует сосредоточиться. Кидать надо шесть раз, – и он приготовил бумагу и ручку.

Ему почему-то хотелось позлить лейтенанта.

– С этими монетами погадать не получится. Говорят, вражеские деньги – всегда к счастью.

– А ты, я смотрю, нарываешься. Смотри, как бы не досталось тебе, когда спустимся. Там такие шутки не пройдут.

Он сложил ладони коробочкой, потряс монеты и высыпал на ящик. Лейтенант огласил результат:

– Орёл и две решки, – после чего провёл на бумаге одну прямую черту.

Он ещё пять раз бросал монеты, и каждый раз лейтенант делал пометку на бумаге. В конце концов у него получилась конструкция из шести горизонтальных чёрточек.

Лейтенант отложил бумагу с ручкой и открыл книгу.

– Нашёл. Слушай своё предсказание: «Огонь на горе, расставание и разлука – такова судьба странника. Двое мужчин в поисках пристанища под ветвями могучего дерева, вдали мерцает огонь в лагере переселенцев. Завтра его там уже не будет».

Лейтенант поднял голову:

– Это всё.

– Я ничегошеньки не понял.

Лейтенант усмехнулся:

– Да, я что-то тоже не соображу. Но необычно, не находишь?

– Может быть. А ты сам что? Не хочешь попробовать? Может, тебе по-нормальному ответит. Прямо всё, как ты мечтал.

– Я хотел сначала на тебе опробовать. Я побаиваюсь предсказаний, будущее почему-то меня страшит. Лучше жить настоящим.

И всё-таки он собрал монеты и принялся трясти. Потом остановился:

– Ты что хотел сказать? Идёт война. Тут нет старых и молодых – всем достаётся. Сам-то ты зачем снял с ребёнка перстень? Как это, по-твоему, называется? Может, он хотел с этим перстнем в могилу лечь.

У него по спине пробежали мурашки. Зря он дал лейтенанту такой козырь против себя. Не зная, как лучше объяснить, он начал:

– Мы в этой земле чужие. Но там есть одно дерево, их дерево, им принадлежащее...

Лейтенант закрыл глаза.

– На войне ничего никому не принадлежит. Только смерть – этого добра всем достанется. А если в книжках что-то написано – так это всё ерунда. Раньше войны были честнее и гуманнее.

– Да уж, раньше никто не лазил по горам, чтобы корректировать огонь.

Лейтенант поморщился и с недоброй ухмылкой заявил:

– Тебе гадать – только зря время тратить. Я и с закрытыми глазами вижу твою судьбу: приговор военно-полевого суда за измену родине, – и он расхохотался, как ненормальный. Из глаз у него лились слёзы, а он всё никак не мог остановиться.

Он опустил голову, чтобы не видеть отвратительно красное лицо лейтенанта. Всё ещё хихикая, тот встряхнул монеты и бросил на стол. Прежде чем сделать пометку, он сказал:

– Я спросил то же, что и ты. Быть или не быть – вот в чём главный вопрос.

И продолжил:

– Не принимай близко к сердцу. Я так сказал, чтобы ты следил за своим языком. Времена сейчас не те. Ты же любишь литературу, должен понимать такие вещи.

И он снова бросил монеты.

– Ну что ж, посмотрим, что она мне скажет.

Он открыл книгу на нужной странице и молча прочёл предсказание.

– Чепуха какая-то. Смотри, что тут написано: «Ёмкость, полная шевелящихся насекомых. Тревога. Работа на том, что испорчено. Великая беспечность и гибель».

Он захлопнул книгу и отшвырнул в угол.

– Полная ерунда. Тут такой холод, что насекомыми и не пахнет, – и он нервно хохотнул.

– Это ты виноват, всё настроение испортил, – буркнул лейтенант.

– Ты сам сказал, что этой книге можно верить.

Лейтенант, шаря в карманах в поисках сигарет, изрёк:

– Кому вообще когда-нибудь удавалось предвидеть будущее? К словам, которые тут поналеплены, можно при думать тысячу разных толкований.

Он почувствовал, что ему необходимо хоть немного отдохнуть от лейтенанта. Дышать становилось всё тяжелее, хотелось сделать глоток свежего воздуха. Он поднялся и сделал шаг к выходу.

Лейтенант окликнул его:

– Куда?

Не оборачиваясь, он ответил:

– Пойду гляну, не видать ли отсюда «огня в лагере переселенцев», который ты мне нагадал.

3

Сквозь сон он услышал слова лейтенанта:

– Вставай. К нам кто-то поднимается.

Ещё ничего не соображая, он открыл глаза.

– Вставай!

Он приподнялся на локте и увидел перед собой побледневшее лицо лейтенанта.

– Кто-то поднимается на гору.

– Кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.